

Зонтаг Анна Петровна

Новые повести для детей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А68

А68 **Анна Петровна З.**
Новые повести для детей / Зонтаг Анна Петровна – М.: Книга по Требованию,
2022. – 306 с.

ISBN 978-5-519-86380-3

ISBN 978-5-519-86380-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лѣ воображала, что чувствуетъ сильнѣе другихъ.

Сесилія имѣла душу возвышенную, воображеніе живое и много самолюбія; она восхищалась великими дѣлами, желала подражать имъ, и говорила иногда, что отдала бы все на свѣтъ для того, чтобы сдѣлаться героинею. «Съ тѣмъ только,» возражала мать, смѣясь, «чтобы твои геройскіе подвиги не подвергали тебя опасности занозить палець, оцарапаться, или проходить цѣлые полчаса въ башмакахъ тѣсныхъ, безпокойныхъ.» Сесилія съ досадою утверждала, что такіе случаи не имѣютъ ничего общаго съ геройствомъ.

Госпожа де Везакъ не могла взять съ собою горничной дѣвушки, которая осталась больная въ Парижъ; почему, останавливаясь въ постоялыхъ домахъ, и уѣзжая, онѣ должны были разбирать узлы свои сами, равно какъ и опять ихъ укладывать, и входить во

многія скучныя подробности. Госпожа де Везакъ сколько возможно избавляла отъ нихъ дочь свою; она не будила ее до тѣхъ поръ, пока все уже было убрано, и проснувшись, Сесилія увидѣла, что почти все уже было готово; ей оставалось только прибрать собственныя свои вещи; но отъ холода ночлаго Сесилийна твердость совершенно исчезла, и одинъ только стыдъ останавливалъ ея слезы. Сесилія уже выходила изъ ребячества; ей минуло тринадцать лѣтъ, но она, какъ совершенное дитя, еще не умѣла, или не хотѣла преодолѣть своего малодушія. Она исправляла всѣ дѣла свои, въ теперешнемъ случаѣ, гораздо медленнѣе, нежели когда бы принялась за нихъ съ твердостію. «Ну же, поскорѣе!» говорила ей безпрестанно мать; а Сесилія едва двигалась, чѣмъ и обнаруживала отвращеніе, съ какимъ повинуется матери. Нужно было очень немного

разсудка, только нѣкоторое усиліе надъ собою; надобно было сказать самой себѣ: «то, что я дѣлаю, не превышаетъ силъ моихъ; я могу сдѣлать все это безъ малѣйшаго труда.» Но Сесилія не звала на помощь разсудка, и лѣность ея овладѣла.

Наконецъ все было готово. Госпожа де Везакъ съ дочерью сѣли въ карету и поѣхали, но горестъ Сесилиина отъ этого не уменьшилась. Ночь была такъ темна, такъ холодна! А Сесилія съ такимъ нетерпѣніемъ переносила холодъ и непріятное впечатлѣніе, производимое въ ней темнотою! Закутавшись въ теплыя свои платья и нѣсколько шалей, она дрожала; не смотря на подбитые мѣхомъ сапожки, увѣряла, что ноги ея до *смерти* озябли, а руки въ шерстяныхъ перчаткахъ, спрятанныя подъ теплый капоть, *совсѣмъ отмрзли*. Наконецъ, не взирая на всѣ сіи бѣдствія, она заснула крѣп-

кимъ сномъ, и проспала до самаго разсвѣта. Солнце разогнало утренній туманъ, освѣтило снѣгомъ покрытыя поля и блистало сквозь замерзнувшія окна кареты, когда она проснулась. Все предвѣщало ясный зимній день: Сесилино сердце отдохнуло. Остановились, чтобы позавтракать, и завтракъ былъ для нихъ приготовленъ въ теплой комнатѣ, что совершенно ее развеселило. Мать стала шутить надъ ея отчаяніемъ прошедшею ночью. «Теперь я вижу,» говорила она, «что тебѣ надобно будетъ выбрать лѣтніе мѣсяцы для твоихъ геройскихъ подвиговъ, къ которымъ ты готовишься, потому что холодъ совершенно противенъ твоему героизму.»

— «Но, маменька,» отвѣчала Сесилія: «у меня отъ холода руки не ворочались.»

«Но ты могла же ими дѣйствовать, не смотря на безпрестанныя свои жалобы! Я вижу, однако, что такое усиліе превышаетъ самую

геройскую твердость, и конечно я не подвергла бы тебя столь ужасному испытанію, если бы того не требовала необходимость.»

— «Признайтесь, однако, маменька, что можно бы выбрать для вашего путешествія не Декабрь, а другой какой либо мѣсяць!»

«Нѣтъ, дочь моя, мнѣ нельзя было выбрать никакого другого мѣсяца! Дѣла мои требовали, чтобы я въ Декабрь сдѣлала это путешествіе. Со временемъ ты узнаешь, что есть обстоятельства въ жизни, которыя еще труднѣе переносить, нежели холодъ. Ты знаешь, что Юлій Кесарь говорилъ: *«нужно, чтобы я отправился въ путь, а не нужно, чтобы я жилъ.»*

— «Въ случаяхъ важныхъ можно подвергать жизнь свою опасности, но и въ самыхъ важныхъ случаяхъ невозможнаго нельзя сдѣлать!»

«То есть: приколоть булавку, или завязать ленту на морозъ.»

— «Я не о томъ говорю» — прервала Сесилія съ нѣкоторою досадою — «да вы и сами согласитесь, маменька, что дѣла Юлія Кесаря были важнѣе нашихъ.»

«А почему ты это знаешь? Я конечно не желаю поставить свѣтъ вверхъ дномъ; это не сдѣлаетъ мнѣ ни малѣйшаго удовольствія; но мнѣ нужно кончить одно дѣло, которое важно для отца твоего; я хочу оправдать его довѣренность: ты знаешь, что, уѣзжая въ армію, онъ поручилъ мнѣ всѣ дѣла свои; наконецъ, я желаю, чтобы онъ былъ доволенъ мною; это необходимо для моего счастія. Тебѣ же нужно показать, что ты съ твердостью умѣешь переносить непріятности неизбѣжныя. Все это имѣетъ свою важность и свой вѣсъ! Къ тому же,» прибавила госпожа де Везакъ, улыбаясь, «кажется, мы отъ этого не умремъ.»

— «Конечно!» отвѣчала Сесилія, также смѣючись: «но я васъ увѣрю, что и самъ Юлій Кесарь нашелъ бы, что нынѣшняя ночь была очень холодна!»

«Я въ этомъ ни мало не сомнѣваюсь! Но Юлій Кесарь былъ такой великій человѣкъ! Знаешь ли, если мы захотѣли бы хорошенько вникнуть во все подробности его жизни, то конечно нашли бы, что бывало время, когда и у него также озябали не только руки, но даже и ноги.»

— «И тогда, онъ вѣрно не могъ ни о чемъ другомъ думать,» отвѣчала Сесилія очень сухо: «потому что нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ чувствовать сильный холодъ въ рукахъ, или ногахъ.»

«Есть люди, которые одарены способностію думать обо всемъ,» возразила госпожа де Везакъ. «Напримѣръ: я увѣрена, что ты, будучи на мѣстѣ Клеліи, въ то время, когда она верхомъ

на лошади переплывала Тибръ, чтобы спастись изъ лагеря Порсены, конечно нашла бы, что очень непріятно замочить себѣ ноги.»

— «И вы, маменька, были бы этимъ очень довольны!» прервала Сесилія съ живостію: «потому что вы всегда мнѣ твердите, что лучше просто заниматься исполненіемъ должностей своихъ, нежели стараться быть героинею.»

«Конечно; я не только не желаю быть героинею, но еще нахожу, что часто исполненіе обыкновенныхъ должностей нашихъ требуетъ напряженія всѣхъ силъ! Ихъ очень трудно исполнить, когда не умѣешь переносить ни стужи, ни голода и даже не можешь безъ ропота покориться несчастной необходимости встать съ постели въ пять часовъ утра въ Декабрѣ мѣсяцѣ!»

— «Но, маменька, есть вещи вовсе невозможныя! Напримѣръ: игти ско-

рымъ шагомъ, когда чувствуешь сильную усталость.»

«И шевелить пальцами, когда озябнуть руки, не правда ли? Конечно есть вещи невозможныя для всѣхъ! Но вотъ разница между тобою и Юліемъ Кесаремъ: для него невозможности приходили гораздо позднѣе, нежели для тебя. Дошедъ до той степени усталости, когда ты скажешь: *я не могу идти болѣе*, онъ сказалъ бы: *мнѣ должно идти далѣе*, и нашелъ бы силы продолжать путь свой! Ты не можешь вообразить, сколько мы имѣемъ въ себѣ силы, когда только захотимъ употребить ее.»

— «Увѣряю васъ, маменька,» сказала Сесилія съ нѣкоторою досадою, — «что я тогда только говорю, что не могу дѣлать чего нибудь, когда чувствую совершенную невозможность.»

«Я вѣрю тебѣ; но желала бы знать, отъ чего эта невозможность при-

ходить для тебя ранѣе, нежели для другихъ, и прошу тебя подумать объ этомъ при первомъ случаѣ. Миѣ очень нужно знать, въ самомъ ли дѣлѣ ты слабѣе другихъ.»

Сесилія не отвѣчала ни слова. Она была увѣрена, что никто не понимаетъ ея чувствъ; сама же она никогда объ этомъ не размыслила, что, будучи подобна всѣмъ другимъ, она могла и переносить то же, что переносятъ другіе. День провела она довольно хорошо; а при наступленіи ночи опять заснула крѣпко.

Сильный толчекъ разбудилъ ее. «Боже мой! Что это такое?» воскликнула она.—«Мы падаемъ!» отвѣчала госпожа де Везакъ. Въ самомъ дѣлѣ, одно колесо взѣхало на большой камень, и карета опрокинулась на одинъ бокъ. Сесилія громко закричала и упала на мать свою. «Не пугайся!» сказала ей госпожа де Везакъ, которая, забывъ непріят-